

КУПАВА ОГИНСКАЯ

ПУШИСТАЯ КАТАСТРОФА

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
О-36

Огинская, К.

О-36 Пушистая катастрофа/ К. Огинская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 266 с.

ISBN 978-5-517-04442-6

Я — тарса. Нечисть мелкая и на первый взгляд безобидная. Не боюсь трудностей, ловко справляюсь с проблемами, могу найти общий язык с ребенком и укротить оборотня.

Способна мастерски выследить преступника и виртуозно его покарать.

Я незаменима, неоценима и... о, блестяшка!

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

© Огинская К., 2021
© Метлинова Е, оформление, 2021
ISBN 978-5-517-04442-6 © Т8 Издательские технологии, 2021

ГЛАВА 1

Хвост беспощадно коченел от холода, и лапы примерзали к железному краю мусорного бака, но я не шевелилась. Замерла в предвкушении, гипнотизируя голодным взглядом дверь с местами вздувшейся и кое-где облупившейся серой краской.

Старенький светильник над козырьком изредка мигал, освещая широкую каменную ступеньку и притоптанный грязный снег. До стены соседнего здания свет не доставал и не тревожил темноту позднего зимнего вечера, так надежно меня укрывающую.

За этой неприглядной дверью находился мой самый сладкий сон, обедаки которого по вторникам, четвергам и субботам — во время смен лучшего человека на земле — попадали на мой праздничный стол. Там находилась кухня одного довольно популярного ресторана. самого популярного на этой улице.

Где-то внизу, в снегу под баком, лениво переругивались местные кошки. Это была их кормушка, пока о ней не узнала я. Теперь она стала нашей, что блохастые мешки костей не сильно радовало, но ничего изменить они не могли.

Я была сильнее и по законам животного мира имела право диктовать свои правила.

Заветная дверь медленно открылась, и на мороз, зябко ежась в тонкой форме официантки, выскользнула девушка.

— Кис-кис-кис, — по привычке позвала она, оглядываясь, потом увидела блеск моих глаз и улыбнулась. — А, ты уже здесь.

— Р-р-ря! — гордо подтвердила, прыгнув с бака. Входя в круг света, я жадно принималась к подносу, что держала в руках девушка.

— Вот. — В снег рядом с каменной ступенькой встали три тарелки. — Ешьте, посуду заберу минут через двадцать.

Я не понимала, зачем она это говорит, но на всякий случай невнятно тявкнула, уже сунув нос в первую миску.

Ужин мой был вкусным, но скудным. Съесть все не позволяла совесть и голодные взгляды, щекочущие спину. От миски оторвалась с трудом, обернулась на бак, из-под которого на меня сверкали три пары глаз, и махнула лапой.

— Вылезайте, недоразумения.

Разрешение кошки проигнорировали и бросились к еде, лишь когда я отошла достаточно далеко. Остановившись в начале переулка, я обернулась, прежде чем выбраться на улицу, и увидела, как они жадно, с утробным рычанием заглатывают скромные подношения.

Замешкалась ненадолго, за что и поплатилась.

— Ты смотри!

Рядом со мной остановились три мальчишки. В человеческих детенышах я совсем не разбиралась и не могла точно сказать, совсем они мелкие или уже подростки, зато знала наверняка, что ничего хорошего от них мне ждать не стоит. От центрального, самого высокого, тощего и нескладного, с выглядывающими из-под шапки светлыми волосами, пахло недобрыми намерениями. Угрозой.

— А если рыжую шерсть поджечь, она будет гореть ярче? — задумчиво спросил сопливый пацан справа от опасного, с интересом мясника разглядывая мою шубку и вытирая нос рукавом куртки.

Я оскалилась.

— Сейчас узнаем, — решил светленький и склонился ко мне с жутковатой улыбкой. — Кис-кис-кис, уродина.

Предостерегающее шипение на него никак не подействовало, он даже ни на мгновение не замедлился, продолжая склоняться надо мной, и я побежала. Сорвалась с места, одним длинным прыжком оказавшись на безопасном расстоянии.

Детеныши не растерялись и бросились следом.

Вечер был поздний, людей на улицах было мало, недостаточно, чтобы замедлить их.

Я не могла бежать быстро, вынужденная внимательно следить, куда прыгаю: состав, которым зимой посыпали улицы, разъедал подушечки на лапах, раз прочувствуешь на себе — больше не сунешься.

Редкие прохожие ругались вслед мне и несущимся не глядя по сторонам детенышам.

Долго так продолжаться не могло, мне нужно было укрытие, но закоулки я игнорировала — не была уверена, что смогу найти там спасение, зато точно знала, что обратиться на главную улицу уже не успею.

Мстительная мысль остановиться, подождать, пока кто-нибудь из гаденышей меня схватит, и прожечь ему руки до костей — хотели посмотреть, как горит рыжая шерсть, я покажу — мелькнула и пропала.

Впереди, возвышаясь над всеми прохожими, прямо рядом с козырьком здания стоял огромный мужик. Мое спасение и путь на крышу.

Я уже представляла, как вскарабкаюсь на мужика, с него перепрыгну на козырек, попаду на карниз и уже с карниза, по цветочному узору, украшавшему полуколонну, заберусь на крышу...

Но успела только вскарабкаться на широкое плечо. Потом была схвачена за шкурку и подвешена в воздухе. Мужик оказался быстрым. Еще мужик оказался волком, и мне бы стоило держаться от него подальше, только густой звериный запах я почувствовала слишком поздно.

— Хм-м-м, — глубокомысленно изрек оборотень, рассматривая меня.

Под взглядом прозрачных голубых глаз мне стало настолько не по себе, что я неосознанно поджала хвост и вцепилась в него лапками.

— Что это такое? — дрожащим голосом спросила девушка, внимания на которую я раньше не обратила. Не-

вероятное преступление с моей стороны — девушка с ног до головы была украшена блестяшками. Кольца, браслеты, сережки, заколки в волосах. И даже ее платье, хорошо видное из-под распахнутого пальто, было украшено искрящимися в свете фонарей камешками.

Сколько сокровищ...

— Нечисть, — коротко ответил волк, продолжая меня разглядывать.

— Р-р-ря! — трусливо тявкнула я, заодно поджав и задние лапы. Чтобы не дрожали.

С оборотнем ни одна здравомыслящая тарса не стала бы связываться. И я бы не стала, мне просто не повезло немножко.

— Дяденька, это хорошо, что вы ее поймали! — Светленький пироманьяк уже был рядом. Запыхавшийся и радостный, он протянул руки ко мне. — Это мое, отдайте, пожалуйста.

— Твое?

— Вернее, моей сестры. Родители на день рождения подарили. Поводок был плохо закреплен, и она сбежала. Отдайте, пожалуйста, иначе мама заругает.

Врал он мастерски, с такой жуткой верой в свои слова, что даже я поверила бы, не иди речь обо мне.

И волк поверил. С заминкой, будто сомневаясь, он опустил руку, собираясь отдать меня этому. И я осознала, что жечь сегодня все же придется.

В груди потеплело, будто кто-то на потухающие угли подул, но огонь разгорался медленно, через силу — слишком холодно было в последнее время, и слишком давно я не горела. Меня это не устраивало. Я зажмурилась, рыкнула, подбадривая себя, и на мгновение забыла, как дышать. По телу прошла быстрая волна яркой боли, и я загорелась.

Волк коротко охнул и отпустил меня, я мгновенно распрямилась, собираясь приземлиться на дорогу и тут же бежать, и оказалась совсем не готова к тому, что буду поймана за хвост. За мою единственную уязвимость.

Звериная реакция оборотня проявилась очень не вовремя...

Хвост не горел, и волк мог спокойно меня за него удерживать.

— Не самый лучший подарок для девочки, — нахмурился он, разглядывая обожженную ладонь.

— Вот и папа... так считает, — растерянно пробормотал пироманьяк, глядя на меня с восторгом. Его малолетние поделньики топтались в нескольких шагах позади, но я отчетливо слышала, как сопливый сдавленно выругался такими словами, которых детенышу знать не положено.

— У тебя есть защитные перчатки?

Светленький покачал головой.

— Давайте я тоже ее за хвост... пока не успокоится.

Я пожароопасная, непредсказуемая нечисть, которую взрослый ответственный человек ни при каких обстоятельствах не должен отдавать ребенку. И волк, кажется, об этом подумал, но все испортила блестяшка.

— Отдай это чудовище и пойдем. У нас осталось не так много времени, чтобы выбрать подарок для Эдит.

Рука, удерживающая меня, дрогнула.

При упоминании имени некой девицы волк резко перестал быть ответственным и собирался меня отдать. Меня, потерявшую преимущество, продемонстрировавшую этим живодерам свою уязвимость...

Я запаниковала, забыла, что не должна раскрывать свою особенность, что могу сделать только хуже, и позорно заверещала:

— Да не домашняя я нечисть, блохосборник ты плешивый! Дикая я. Ничейная! Свободная! Чтоб у тебя хвост отсох, сволочь!

Пироманьяк почувствовал, что пахнет жареным — с такими-то увлечениями у него на это дело должен был быть нюх, — и рванул прочь раньше, чем я успела сдать его и его дружков.

Вслед улепетывающим живодерам мы смотрели недолго. Я вверх лапами, волк с непередаваемым выражением лица.

Блестяшка смотрела исключительно на меня.

— Оно... разговаривает.

— Высшая нечисть, — восхитительно невозмутимо поправил самого себя волк.

— Я еще и петь могу, но вам не понравится.

— Почему? — глупо спросила блестяшка.

— Потому что «могу» не значит «умею», — запальчиво твякнула я и попыталась лягнуть волка. — Отпусти меня, блохастый, у меня дела.

— Это у меня из-за тебя дела, — сказал он мрачно, поднимая меня на уровень глаз. — Высшей нечисти, не сопровождаемой боевым магом, запрещено находиться в черте города.

— Ди... дискриминация, — грустно выдохнула я.

— Ты точно не домашняя?

— Обижаешь, блохастик, я исключительно свободная личность, а что?

— Разговорчивая слишком.

С этим спорить было бессмысленно. Поговорить я любила, хотя большую часть времени приходилось молчать или односложно твякать, что было мучительно для моей общительной натуры.

Но жизнь мелких хищников легкой никогда не была, мне следовало бы радоваться, что сохранность моей шубки стоит так дешево. В конце концов, шесть лет назад разговаривать я совсем не умела — и ничего, жила как-то.

— Ну так что, не отпустишь, значит?

— Нет.

— Куда мы сейчас тогда?

— В отделение. Ночь посидишь в питомнике, а завтра порталом отправим тебя в какой-нибудь лес. К братьям.

— На шубках я своих братьев видела, — фыркнула оскорбленно.

В лес очень не хотелось, но лучше так, чем попасть в услужение к какому-нибудь боевому магу... или того хуже, стать академическим образцом. Повезло, что город для перезимовки я выбирала осознанно и специально проверила, нет ли поблизости академий.

Свою невероятную особенность я осознавала и потому берегла себя с особым старанием. Мелкая нечисть высшей становилась настолько редко, что за всю свою жизнь мне удалось повстречать такую лишь однажды. Мельком, в каком-то западном лесу.

Друзьями мы не стали, подрались из-за птичьей тушки и разошлись.

Только несколько месяцев спустя я запоздало сообразила, что нужно было узнать у той глупой рагры, как это получилось, как так вышло, что она себя осознала, как стала высшей?

Даже если бы в качестве платы пришлось оставить ей отвоеванную в честной драке перепелку. Не такая уж большая цена за возможность хоть что-то узнать.

К тому же мясо все равно было отвратительным на вкус, вроде как птица больной оказалась.

— У нас дела, — настойчиво напомнила блестяшка, за что я полюбила ее еще больше. Не только сверкает вся, но и правильные вещи говорит.

— Эдит простит мне опоздание, — не очень уверенно отозвался волк. И совсем уж неуверенно добавил: — И отсутствие подарка.

Взгляд блестяшки был красноречив и красочен, но волк его искусно проигнорировал.

Подъехавшую карету и девочку, выкатившуюся из нее с криком «папа!», проигнорировать он уже не смог.

Ровно в тот момент, как рядом с нами заржали лошади, я потухла и продолжила висеть в руках оборотня примерным смирным зверьком, хотя хвост у самого основания уже начинал болеть, а мне хотелось рычать и кушаться.

Детеныш был очарователен в своем пышном платьице, но совсем не походил на отца. От светловолосого и голубоглазого волка в ребенке была разве что аристократическая бледность. Девочку она делала похожей на куколку, оборотню же придавала нездоровый вид.

Темные искрящиеся глаза нашли меня сразу.

Она выдохнула и восторженно застыла, цепляясь за пальто волка и глядя прямо на меня.

— Подарок! — решила она. — Красивый!

— Это... нет, — попытался объяснить хоть что-то оборотень, но девочка уже схватила меня за лапу и потянула на себя. Я жалобно заскулила. Не потому, что стало больно, просто представила, как больно станет, когда меня начнут перетягивать, и не смогла сдержаться. Точно без хвоста же останусь.

Блестяшка прикрыла глаза ладошкой — и даже на ее перчатке искрилась россыпь мелких камешков.

— Осторожно, — беспомощно попросил волк, перехватив девочку за запястье. — Она опасна.

— Клевета, — тихо, чтобы слышал только оборотень, сказала я и энергично заурчала. Громко, раскатисто, как самая настоящая кошка.

Детенышу понравилось. Сдавленный восторженный визг и короткий миг свободы стали моей наградой.

Волк сдался и отпустил меня, и в следующее мгновение я уже была прижата к хрупкой детской груди.

— Спасибо.

— Без глупостей, — негромко и угрожающе велел мне волк, слабо улыбаясь дочери.

— Простите меня. — Из кареты с трудом выбралась немолодая женщина внушительных размеров. — Я говорила, что нужно подождать вас дома, но Эдит так хотела вас встретить. И ведь это же ее день рождения...

— Да, — рассеянно отозвался оборотень, — день рождения.

Я мурлыкала как ошалелая, старательно не замечая многообещающего взгляда. Хвостом чуяла: так просто с